

Встреча ученых Петербурга за круглым столом

С. Н. Полтораки

18 ноября 2003 года по инициативе и при участии писателя Даниила Александровича Гранина в Литературном кафе в Петербурге (Невский пр., 18) прошла встреча за круглым столом, в которой участвовали Д. А. Гранин, профессор, заместитель главного редактора журнала «История Петербурга» Владимир Петрович Яковлев, доктор исторических наук, профессор Николай Иванович Барышников, доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журналов «Клио» и «История Петербурга» Владлен Семенович Измолик, соискатель ученой степени кандидата исторических наук Павел Александрович Калёнов, кандидат исторических наук Олег Николаевич Кен, кандидат физико-математических наук, председатель общества «Ингерманландский союз» Александр Иванович Кирьянен, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Вадим Ибрагимович Мусаев, директор Института Финляндии господин Ярмо Ниронен, доктор исторических наук, профессор Анатолий Васильевич Смолин, доктор исторических наук, профессор, член редколлегии журнала «История Петербурга» Геннадий Леонтьевич Соболев, доктор филологических наук, профессор Дмитрий Леонидович Спивак и профессор, почетный председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры РФ, член редколлегии журнала «Клио» Владимир Евгеньевич Триодин.

Председательствовал на встрече главный редактор журнала «История Петербурга» профессор Сергей Николаевич Полтораки.

Собравшиеся обменялись мнениями по вопросу, который был сформулирован так: «Финны и русские: на перепутьях общей истории».

Предлагаем нашим читателям небольшие фрагменты из выступлений участников беседы за круглым столом.

Д. А. Гранин: — У меня есть любопытство к тому, что происходит в стране у нашего самого ближнего соседа. Я живу летом на Карельском перешейке, часто бываю в Финляндии. Я убедился, что мы хотя живем рядом, разница в нашей жизни – разительная. Она начинается с момента переезда границы. Как переезжаешь границу, так ощущаешь, что ты попал в другую страну. Кроме того, меня поразили те успехи, которых достигли финны в области электроники и

Д. А. Гранин

мобильной связи. Это вообще забавно – неразговорчивые финны заставили говорить весь мир. По мобильной связи. Как это происходит? Я никогда не встречал термина «финское чудо», хотя говорят о «японском чуде», «чилийском чуде». Для меня то, что происходит в Финляндии – в «отсталой части России», ведь Финляндия Россией считалась, – не звонок, но достаточно убедительное чудо.

И было бы интересно послушать специалистов: каким образом это делается, как это происходит, чем мы обязаны Финляндии?

Лет пятнадцать тому назад Ленинград страдал довольно ощутимо от наезда финнов, которые пьянствовали здесь, грубо говоря. Вы помните это? Выпивали крепко, буянили и скандалили. Дело это, конечно, привычное для русского человека, но все-таки это поражало нас. Сейчас это уже закончилось, закончилось не потому, что они перестали приезжать к нам за водкой, а потому, что это заканчивается вообще в Финляндии, входит в норму. В чем секрет таких перемен?

Финляндия, которая живет в тех же климатических условиях, что и мы, по длительности жизни стоит на 4-м месте в мире. 78,3 года

– средняя продолжительность жизни. А у нас в России – 64.

Вот те вопросы, которые интересно было бы обговорить, понять самим, что же такое Финляндия, что происходит с ее жизнью, с ее устройством, чем мы можем воспользоваться, чему мы можем научиться. Мы привыкли всех учить, как надо жить, а сами очень неохотно, плохо учимся.

С. Н. Полторак

С. Н. Полторак: – На протяжении столетий к финнам отношение было... не хочу говорить слово «презрительное», но такое, знаете, слегка ироническое, подчас – пренебрежительное. Помните, «Приют убогого чухонца»? У меня сложилось такое впечатление, будто бы финны как нация находились даже в моральном, интеллектуальном смысле словно между двух огней. С одной стороны – это несколько ироническое отношение русских, а с другой стороны, я думаю, не более симпатичное отношение тех же шведов к финскому народу. И тем не менее вот такой результат. Может быть, даже и то, что было задето национальное достоинство финнов, тоже какую-то роль сыграло. Над этим следует задуматься.

Меня в свое время удивило то обстоятельство, что даже в рядах тех финнов, которые служили в рядах Красной армии в 1918 году, почти сто процентов составляли люди, у которых было среднее образование. Заметьте, среднее обра-

зование! Это у тех людей, которые до этого на протяжении долгого времени проживали в составе Российской империи, то есть тут можно говорить, наверное, о значительной самобытности, на которую не могли повлиять многие факторы, которые были характерны, может быть, другим народам нашей страны.

Финны настолько самобытны, дружны и сплочены, что процесс ассимиляции протекает весьма и весьма медленно, даже на территориях, где финны живут в плотном окружении русских. Хотя, наверное, после Второй мировой войны ситуация несколько изменилась. Я хотел бы рассказать такой курьезный случай. У одного моего приятеля (он белорус) сын женился на финской девушке, которая родилась и выросла в Ленинградской области, они живут в Ломоносовском районе. И вот как-то раз папа с сыном после бани сидели, выпивали, закусывали. Невестка должна была вот-вот родить, буквально оставались считанные дни, и папа решил пошутить. Он сказал: «Сынок, вот ты белорус, жена у тебя финка, а кем же будут ваши дети?» И сын, совершенно не задумываясь, ответил: «Как кем? Белофиннами!». Это говорит о том, что мы к нашей истории относимся сейчас уже несколько иначе, нежели относились, может быть, какие-то там 20–30 лет назад. Это обстоятельство тоже, наверное, нужно учитывать.

Уходит чувство взаимной озлобленности. Враждебность сменяется взаимопониманием. Острые прежде углы истории шлифуются подчас шуткой.

А. В. Смолин: – В 1861 году пало крепостное право в России. В Финляндии не было крепостного права. В сущности, все мы – наследники тех, кого порол на конюшне, или тех, кто порол на конюшне. Из-за того холопство и холуйство – до сих пор отличительная черта русского человека.

Финны приняли активное участие в русской революции, особенно активное... И оценка В. И. Лениным российской ситуации в сентябре 1917 года во многом основывалась на оценке ситуации в Финляндии. Потому что в Финляндии активизация рабочего

А. В. Смолин

класса была очень высокой. И революционный потенциал был очень высок. Произошла финляндская революция, а затем гражданская война. Это была ожесточеннейшая война: так, в результате белого террора, по разным данным, было казнено около девяноста тысяч человек. Это стало примером для России. Показывали населению России – вот что будет с вами, если победит буржуазия.

В разгар финской гражданской войны, когда белые финны взяли Выборг... было перебито четыреста русских офицеров, которые вообще никакого отношения не имели к гражданской войне в Финляндии. Русофобия была довольно сильной. И победа белых финнов в гражданской войне, не будь немцев, – это очень проблематично было бы. Дивизия фон дер Гольца, которая высадилась в последние месяцы 1918 года, решила исход гражданской войны. Это потом уже финны стали превозносить собственные силы, на самом деле войска, германские войска решили ситуацию в Финляндии.

В 1918 году финны вообще хотели перейти под германское начало, и были разговоры, что один из наследных принцев станет во главе государства, и только разгром Германии в Первой мировой войне не дал этим планам сбыться.

В первые годы получения независимости было крайне осто-

рожное отношение стран Запада, в частности Франции, США, к Финляндии. Они Финляндию признали только в мае 1919 года. Потому что еще не могли забыть пронемецких симпатий, которые существовали в Финляндии. Пронемецкие симпатии в Финляндии были очень сильны.

Г. Л. Соболев

Г. Л. Соболев: — Финны первыми имели социал-демократический сейм. Социалисты в 1916 году победили и возглавили сейм. Имели конституцию. Благодаря, правда, русской революции в ноябре 1905 года они получили такую конституцию, по которой получили всеобщее избирательное право, и женщины даже имели право голосовать. Это вот, конечно, такая фора, уже не говоря о всех других моментах.

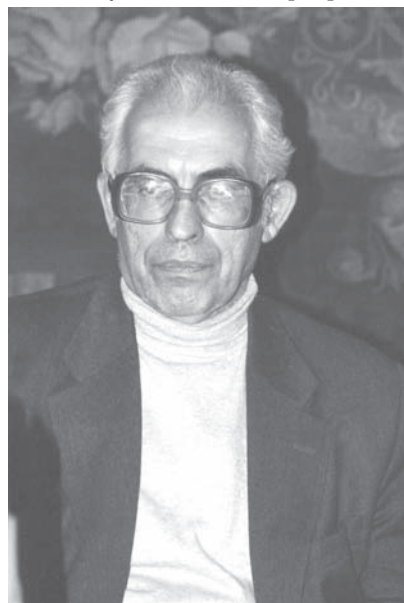
Поэтому тут много действительно, наверное, таких обстоятельств, которые нужно нам с вами иметь в виду, поскольку все, наверное, здесь присутствующие с финнами контактировали именно на таком элементарном уровне общения, ведь мы очень хорошо понимаем друг друга, и какой-либо заносчивости мы не проявляли ни в советское время, ни позже. Они могли себе многое позволить. Я два раза бывал на приемах в нашем советском посольстве, куда их много приходило вообще, в том числе и для того, чтобы выпить этой самой столичной водки, но при этом они могли наших вождей

так поносить... а мы их. Это было все на обычном житейском уровне. Профессор А. В. Смолин прав, что особое положение всегда было у финнов. Кроме того, они больше ста лет вообще, до 1917 года (практически с 1809 года), имели очень широкую культуру, и, конечно, сам факт потрясающий, меня больше всего поразивший – мы сегодня финнам должны, сколько там... полмиллиарда долларов, что ли. Касьянов говорил...

С. Н. Полторак: — Нет, нет! Россия должна Финляндии 23–27 миллионов долларов. Я сам считал!

В. С. Измозик: — Мне кажется, что тут в несколько, может быть, замаскированной и приблизительной форме разворачивается дискуссия, которую начали в какой-то степени еще Сперанский и Карамзин, – что важнее, система или люди? Вы помните, Карамзин говорил: надо найти 50 честных губернаторов, и проблема России будет решена; Сперанский доказывал, что надо менять систему. В этом плане, наверное, действительно, и то и другое правильно.

Когда мы говорим о Финляндии дореволюционной, мы вспоминаем убийство Бобрикова финскими активистами, мы вспоминаем активное участие финнов в том числе в восстаниях в Свеаборге в 1906 году, и, наконец, прекрасный

В. С. Измозик

пример – убийство части членов ЦК и работников партаппарата в августе 1920 года. То есть, оказывается, спокойные финские парни, флегматичные, медлительные, выдержанные, приходили на заседания ЦК с партийными работниками, производили более 200 револьверных выстрелов. 8 убитых, 10 раненых. Никуда не прятались, ждали приезда начальника угрозыска, сдали ему свое оружие и сказали, что они пошли на это, поскольку руководство финской компартии, извините за грубое слово, «скурвилось», было коррумпированным. Кому предъявлялись обвинения? Эйно Рахья, прежде всего, другим руководителям партии, в том числе обвинение за поражение в революции и так далее. Самое интересное: я в этом году работал в московских архивах. Дело-то оказалось далеко не простым. Сначала было официальное заявление о том, что, дескать, финские коммунисты убиты белогвардейцами. Оно рассматривалось очень быстро. И Феликс Эдмундович Дзержинский написал буквально следующее: часть убийц в нравственном отношении абсолютно безупречны. В условиях, когда дела у нас в стране решались крайне быстро, суд над ними проходил только в начале 1922 года. Поражает, что Верховный революционный трибунал в 1922 году по сути дела постановил освободить всех организаторов теракта. Применил к ним амнистию. Расстрелян был только Эло Ранту. Дзержинский требовал вообще придать суду Сольца и всех других членов ревтрибунала и политбюро. Я думаю, это показатель того, что спокойные, выдержанные финны, попав в определенную систему, действуют теми же способами. Я абсолютно убежден, что если бы Финляндия стала советской, она не достигла бы современных успехов. Да, наверное, в плане ментальности она бы отличалась в лучшую сторону, как ГДР отличалась от Советского Союза. На ГДР мы смотрели действительно снизу вверх. Но я думаю, что никаких успехов эта система Финляндии не принесла бы. И мы бы сегодня не говорили о том, что финны научили разговаривать весь мир по «мобильнику». Конечно, люди важны, менталитет людей – важен, безусловно, образо-

вание важно, то о чем вы говорили, Сергей Николаевич, но тем не менее, я думаю, система играет громадную роль.

С. Н. Полторак: — Спасибо, но я бы хотел заметить, что если бы не Жорес Иванович Алферов, то «мобильников» не было бы вообще, по крайней мере долгие годы. Поэтому тут нужно отдать должное нашим землякам тоже.

Ярмо Ниронен

Я. Ниронен: — Я не ученый, и могу ошибаться. Но когда Финляндия стала Великим княжеством, у нас было шведское «наследство», свои законы, своя политическая система, у нас были национально-политические партии и движения. Резкие изменения наступили только после Октябрьской революции.

У нас было и есть национальное «наследство». Это была международная страна. В Финляндии, кроме русских военных в гарнизонах, было до 10 000 людей, которые адаптировались в финскую жизнь.

Интересно также, мы называем это материальное наследство: дома и т. п. переходили по наследству другим, а у вас, в Советском Союзе и в России, многое изменилось в отношении владения имуществом.

Во времена Великого княжества у нас был беспощинный ввоз товаров, и это продолжалось до 1920–1930-х годов. После Второй мировой войны такая торговля за-

кончилась, когда Финляндия выплачивала контрибуцию, СССР оказывал влияние на развитие Финляндии. Это повлияло тогда уже резко на развитие металлургической промышленности.

И еще. Я называю это религиозным наследством. Мы – лютеране, вы – православные. Финны служат семье.

Сто лет тому назад в старых газетах писали, что российская таможня искала товары, а финская таможня – спиртные напитки...

Г. Л. Соболев: — Скажите, пожалуйста, господин Ниронен, если бы финнов было не 5 миллионов, а 150 миллионов, ваши успехи были бы столь же впечатляющи?

Я. Ниронен: — Мы были бы опасны для Европы.

Н. И. Барышников: — Сейчас прозвучали предположения, что есть различия между финнами и русскими. Я должен сказать, что после окончания Второй мировой войны начался быстрый процесс сближения между нашим и финским народом. Активистом сближения стала финская коммунистическая партия, завоевав в 1945 году четверть мест в парламенте. Из 200 депутатов парламента – четвертая часть принадлежала Демократическому союзу Финляндии. И буржуазные газеты, как я помню, удивлялись: откуда взялось 300 000

Н. И. Барышников

симпатий коммунистов? И вот когда мы говорим об изменениях, которые произошли в отношениях между нашими народами, кажется невероятным, что недавно еще были врагами, воевали друг против друга, и вдруг после той войны прошли парламентские выборы – и четверть мест в парламенте получили представители Демократического союза. Интерес финнов к Советскому Союзу нарастал как снежный ком. Даже сейчас в этом смысле мы оказались в худшем положении, чем тогда. Я думаю, что ельцинская линия, нацеленная на ликвидацию договора о дружбе и взаимной помощи, заключенного в 1948 году, была тем фактором, который отрицательно повлиял на развитие этих отношений. В этом договоре недовольство мог вызывать пункт о военной взаимопомощи, однако договор о дружбе сыграл большую роль в сближении наших народов.

В жизни наших стран есть различия. В силу чего?

Это сложный процесс. Экономические и политические проблемы здесь неотделимы друг от друга.

Германская армия уничтожила северную часть Финляндии. Геннадий Фиш вспоминал, что по всей стране возили колокол – единственную часть, оставшуюся от одного из соборов северной Финляндии, – и собирали деньги для жителей этой части страны.

Сближение финского и русского народов продолжается и сейчас. Чувствуется лояльность финнов по отношению к нам.

Но мне думается, что когда мы ведем речь о различиях наших стран, о том, что мы вот оказались в пиковом положении, а в Финляндии, маленькой стране, происходит расцвет и развитие, дать прямолинейного ответа о причинах расцвета Финляндии мы никогда не сможем.

Финляндия испытывала большие трудности в послевоенный период. Так, в 1946–1950 годах мы финансировали Финляндию. В частности, ей в 1954–1955 годах был дважды дан заем по 40 миллионов рублей золотом.

Наша страна испытывала политические трудности, и в то же время предоставляла крупные суммы денег.

О. Н. Кен

О. Н. Кен: — История Финляндии очень интересна и поучительна. Мне кажется, есть почва для изумления.

Есть почва для того, чтобы посмотреть на привычного нам соседа заново, детскими изумленными глазами. И мне кажется, что есть чему поучиться, и у меня возникло предположение, которое я хотел предложить вашему вниманию, может быть, не вполне верное: мне кажется, что один из секретов этого чуда состоит в крестьянской культуре.

В нашей стране крестьянство невольно стало синонимом отсталости. И так было не только в период окончательного выбора пути Советского Союза в 20-е годы, это очень характерно и для российской культуры предшествующих годов. Ну, разумеется, между финским крестьянством начала XX века и российским существовали немалые различия, в том числе и в организации собственного быта, собственного строя. Но в России недовольство, возмущение, презрение образованных людей, независимо от того, каковы были их политические взгляды, как правило, вызывало крестьянство вообще. И движение вперед связывалось с индустриализацией как преодолением крестьянства. С подавлением частнособственнических элементов деревни и созданием прогрессивной организации. В то время и даже сейчас мы можем взглянуть и увидим, что наш уважаемый участник

дискуссии, господин Ярмо Ниронен, живет в доме, оформленном немножко иначе, чем это прекрасное кафе, где проходит наша дискуссия. И то обстоятельство, что в Финляндии ценности крестьянской жизни были не потеряны, а национальное возрождение второй половины XIX века, становление нации связывалось не с именами отдельных поэтов или художников, имитирующих образцы европейского искусства, а прежде всего с записью эпоса «Калевала». Оно дает основание предположить, что одна из причин — возвращаясь к вопросу, почему у нас дела обстоят иначе, — состоит в том, что российская культура и в досоветское время, и в послесоветское время тяготела к недооценке внутреннего потенциала, крестьянской культуры, которая пусть не блещет образцами изысканности, но позволяет строить общество на разумной основе, основе солидарности, и в данном случае не думаю, что это только для Финляндии — для всей Скандинавии характерно.

Опыт Финляндии занимает слишком малое место в общем и, в частности, в историческом образовании. И в нашей стране, и в нашем городе. И мы по-прежнему считаем как само собой разумеющееся, что в Финляндии должны интересоваться российской историей и культурой, в то время как, если заходит речь о политических успехах, политическом прогрессе и реформах, скажем, в начале века, приводятся, конечно, примеры из всеобщего избирательного права в Австро-Венгрии, или если речь идет о социал-демократах, то, конечно же, о шведах; если речь идет об экономических успехах послевоенных, то опять же речь идет, непосредственно в послевоенное время, прежде всего о Германии, а если в 70-е годы, то об Испании и Португалии, то видно, как Финляндия остается на задворках в общем общественном сознании, в том числе и у молодых людей, которые, может быть, и видят, и знают о телефонах Nokia, что происходит, но которых ни в школе, ни в вузе, как правило, на примерах, хотя бы эпизодах из жизни нашего маленького, как им кажется, соседа далеко не всегда учат.

Н. И. Барышников: — В Хельсинкском университете русскую историю изучают. Причем широко развита система изучения русского языка, что стимулирует обращение и к области истории.

А. И. Кирьянен

А. И. Кирьянен: — Я хочу высказаться в какой-то мере от лица финнов, которые живут уже столетиями в составе России. Олег Николаевич затронул очень интересный вопрос, касающийся именно крестьянства финского, и я абсолютно согласен с ним. Дело все в том, что если взять здешних финнов, то как они сумели сохранить свою самобытность в течение нескольких столетий, проживая вокруг Петербурга, вокруг столицы Российской империи, — это ведь тоже интересный момент. Не ассимилировались, жили своими деревнями. При этом жили именно как собственники. Вот это закладывало фундамент. Они ощущали себя владельцами. Хозяевами. И это очень важный момент. И так же в Финляндии. Причем я бы сказал так — да, действительно, Финляндия была Великим княжеством. Но из Финляндии приезжали сюда работать. Многие здешние финны жили намного лучше, чем в Финляндии. Я уж не говорю о Латвии. Вот когда сейчас прибалты смотрят, как Финляндия живет, а они жили до революции лучше, то им очень завидно. И можно их понять. Это естественно. И вот тут как раз я бы затронул такой вопрос: поче-

му вдруг в конце XIX – начале XX века началось такое резкое желание Финляндии отделиться?

Есть одно интересное историческое обстоятельство: до середины XIX века финны жили в составе России очень комфортно, в том числе – в духовном отношении. Но стоило только российскому правительству попытаться ввести закон о языке, сразу в Финляндии стали укрепляться идеи государственного отделения. Вот что значит неграмотно вторгаться в деликатную сферу.

В 1918 году, во время Гражданской войны, советские финны-ингерманландцы, жившие севернее Петрограда, воевали против красных отрядов, в том числе и финских, не давая им пробиться в Финляндию.

После Второй мировой войны власти Финляндии очень стремились к улучшению отношений с СССР. Это и укрепило в Финляндии еще больше позиции социал-демократов. Финляндское руководство даже не мешало Советскому Союзу разыскивать в Финляндии ингерманландских финнов, плохо относившихся к советской власти, и вывозить их в СССР. Последний такой случай был в 1955 году.

Д. Л. Спивак: – Но совсем недавно в разговоре с ученым и замечательным, знакомым всем здесь наверняка коллегой Максом Энгманом я узнал о том, что его новый исторический интерес – это образование и распад империй. Ему как раз очень интересно посмотреть, что происходит с частями империй, потому что, когда империи распадаются, их части крошатся, эти крошечки лежат вокруг, вот как они дальше собираются в какое-то новое целое. И Энгман в связи с этим пишет, что, может быть, пришел черед к финнам обратиться и показать им, что у Финляндии были времена богаче, чем когда они были под русским владычеством. Под всеми этими Бобриковыми. Но не было времен более блестящих. А ведь через 2–3 века для страны очень важно вспоминать о блестящих временах. О тех временах, когда 250 финляндских, шведско-финских семей владели Россией. «Мы

Д. Л. Спивак

обладаем Россией», – говорили они. И русские охотно принимали это выражение. Они не обладали Россией, но, конечно, при дворе шведско-финское, финляндское присутствие (мы редко говорим сегодня о финляндцах, но это, конечно, финляндцы) ощущалось очень явственно. И вот это почтительное удивление, которое Энгман пытается привить своим коллегам в Финляндии, мы, по-моему, испытываем сейчас. Ведь у нас же не кружок финнофилов. Мы переходим к какому-то новому этапу европейского сознания, когда нации почтительно удивляются друг другу, снимают шляпу и понимают, что каждая из них царственна и удивительна. Мы особенно не любим финнов на человеческом уровне, мы бесконечно уважаем эту нацию, которая прожила не то что рядом с Петербургом, она жила на этом месте, и одна из святых рун Калевалы говорит: «...поплыли два былинных героя, когда было похищено солнце и мир погиб, по Неве вокруг мысочка. Добыли солнце и спасли свою землю». Очень важно вспомнить, что финны, которые жили здесь, они не просто сочиняли Калевалу. Многочисленные народы прибалтийско-финского корня, которые здесь жили в Невской низменности, они ведь больше местные, чем мы, потому что петербуржцы все сюда пришли, а финны всегда здесь

жили. После моих выступлений на радио в «Историческом клубе» каждый раз приходило несколько протестующих писем, в которых говорилось: «Как это можно напоминать о том, что финны более здесь свои, чем мы?». А я думаю, можно гордиться этим. Здесь жили ижора, весь, воедь жила и эсты жили. И ингерманландцы, которые постепенно стали вырабатывать свои собственные диалекты. Больше савакот. Но и айра, тоже этническая группа. Все это здесь кипело. И русская власть, при том что здесь сидели тупые Бобриковы. Слово стало ругательным для финнов, ведь эта русская власть, она ведь не проводила ускоренную ассимиляцию. Ведь все это царство здесь сохранилось. И бытописатели типа Бахтиярова, они пишут, что «финн более других туземец петербургский...». Наше разделение пошло от 1917 года, причем «травма была не только финская», – как говорят финские историки, – «травма была взаимной». С одной стороны, финны, в надежде как-то сплотить свою нацию, начинали усиленно вырабатывать тезисы о том, как «сибирская цивилизация тянет лапы к крошке Финляндии, а она от нее отбивается». Помните? Еще старая гравюра, когда орел пытается вырвать у Финляндии Lex – «закон», а Финляндия держится за него. Усиленно возбуждается тема русофобии, которая никогда в Финляндии не была распространена. До 1890-х годов маленьким финнам давали имена Никола и Александри, что однозначно ассоциировалось с русскими царями. А с другой стороны, параллельно в Петербурге долгое время насаждался сильнейший комплекс того, что у нас не просто на костях город построен, но на финских костях. И вот это болото поднимается не просто против царизма, но и против русских. Такие видные философы, как Федотов, писали, что когда был этот страшный майский праздник, когда красные финны из Выборга и из других губерний Южной Финляндии окружными путями приехали сюда и бросились друг на друга выяснять отношения, кто кого предал, а товарищ Троцкий кричал на них в кабинете и не давал им рта открыт, потому что они были виноваты, а Финлян-

дия потеряна, Ильич при этом добродушно их выслушал и все было хорошо. Эти финны вышли на демонстрацию, и местное население испугалось. Улица вдруг заговорила по-фински.

В заключение я хочу сказать, что теперешняя Финляндия на самом деле находится в достаточно непростом положении. Дело в том, что постиндустриальные цивилизации, по подсчетам ученых-экологов, если они производят примерно 50% мирового мусора, то выбрасывают 2/3 мирового мусора. То есть экология страдает принципиально. Финляндия, которая всегда гордилась чистым воздухом, чистыми лесами, сейчас идет по этому пути. Там нарастает очень мощный экологический кризис, который сравним, может быть, с недостатком воды на Ближнем Востоке. В этой связи очень важно будет нам понять, что пути выхода из постиндустриальной цивилизации придется искать всем вместе. Правительства наши, которые работают только об увеличении национального дохода, очень быстро попадут в тот же самый экологический тупик. Нам нужно будет искать выход вместе. А выход вместе – это возвращение, в какой-то мере, к местной мудрости. К тому фонду, который накопили местные народы. Наверное, на это придется опираться в первую очередь.

В. И. Мусаев: — Почему финны, которые были лояльными подданными российского императора, великого князя Финляндского, вдруг начали бунтовать и подниматься на борьбу за освобождение и отделение от ранее любимой ими империи? Сепаратизм тоже возникает не за какие-то дни или месяцы и даже, может быть, годы – он вызревает довольно долго. Конечно, сыграла свою роль не очень разумная, не очень гибкая национальная политика имперского центра, но все-таки это объективный процесс, потому что неизбежно по мере развития экономики и социальных отношений, по мере смены феодальных и общественных отношений – меняется и национальное самосознание, т. е. оно растет. И формируется национальная интеллигенция, которая является носителем этих идей. Конечно, она от

В. И. Мусаев

народа поначалу далека, но требуется какая-то встряска, для того чтобы эти идеи, сначала более умеренные, а потом все более радикальные, овладели массами.

В Финляндии этому способствовало движение финноманов в пику шведоманам, свегоманам, поскольку именно шведоязычные круги считались носителями идей сепаратизма в Финляндии, и в пику им было поддержано финноманское движение. Из центра. Схожий процесс был в Прибалтике, где в пику прибалтийским немцам поддерживалось эстонско-латышское национальное движение. Так что интеллигенция была сформирована и здесь, и там не без влияния центра. Но чтобы вот эти идеи, национальные идеи, овладели более широкими массами, требуются встряски. Вот такие встряски начались в XX веке сначала в виде революции, потом в виде Первой мировой войны. Что и позволило затем при помощи буржуазии, которая поначалу была национально индифферентна, но в условиях таких встрясок, затруднений она тоже начала воспринимать те идеи, заражать ими массы и вести их вперед на борьбу. В Прибалтике изначально борьба шла за объединение Латвии и Эстонии. Известно, что Латвия и Эстония были раздроблены. Эстония – на две губернии. Латвия даже на три. То есть

поначалу там движение шло за объединение, национальное объединение в рамках империи. Потом уже за отделение, после революции. В Финляндии всегда была ситуация была другой. Она и так уже была объединена и имела собственную автономию, а там уже подоплека была другая, т. е. борьба против притеснения со стороны центра, борьба за сохранение вольности, за конституцию. Надо еще один фактор учитывать, который не может не оказывать влияния на развитие сепаратизма, – это воздействие извне. Оно всегда имеет немалое значение. Можно вспомнить и последние события в бывшей Югославии, где активно подталкивали к разобщению хорватов, славян из Европы и из-за океана, а мусульман, албанцев – с другой стороны. То же самое было в Прибалтике и вообще в Российской империи, в Закавказье и в Финляндии тоже. В 1905 году интерес к событиям на окраинах России проявляла японская агентура. Это малоизвестно, но это факт. Да, много она не сделала, но пыталась как-то воздействовать на ситуацию. И немцы старались, но у них было больше возможностей, и они гораздо больше преуспели. Собственно, то, что происходило и на Украине, и в Прибалтике, и в Финляндии – это во многом немецкие заслуги. Это еще один фактор, который в числе прочих в итоге влияет на развитие сепаратизма и на последующее развитие событий.

В. П. Яковлев: — В 70-м году я был в Финляндии и стал свидетелем разговора руководителя с ребятами 10–12 лет, это были январские каникулы, один из пацанов спросил: «Тамара Сергеевна, вот здесь на улицах Хельсинки продаются бананы, апельсины, скажите, при коммунизме у нас так же будет?». Сегодня у нас все это продается, мы возвращаемся к тому, что по сути дела список, который раньше писала жена, когда едешь за границу, – его уже нет. Возникает другой вопрос этой проблемы. Если мы вернулись на этот путь развития человечества, с которого Финляндия не сходила, сохраняя право на наследование, частную собственность, то не окажемся ли мы впереди Финляндии? Или Фин-

В. П. Яковлев

ляндия всегда будет немного впереди? Что здесь будет происходить? Будет ли опять та же, простите, «Чухляндия», та, которая станет рядом с большой великой Россией, или большая неорганизованная Россия, а рядом маленькая организованная Финляндия. У господина Ниронена было несколько разумных замечаний: мы

лютеране, а вы – православные. Чем дальше с Запада на Восток, тем хуже работают. Протестанты, лютеране, католики, православные и тем ниже производительность труда. Это вечно. Что тогда? А в принципе, мне кажется, что у меня есть ответ на вопрос, который поставил Даниил Александрович. Сохранили частную собственность, право наследования и традиции.

Д. А. Гранин: – Мне было очень интересно. Для меня этот вопрос был сначала на уровне обыденного сознания, на уровне того полуграмотного обывателя, который приходит в недоумение – а почему это так? Здесь было очень много интересных мыслей высказано. Православие, лютеранство, крестьянство – очень интересная мысль – культура крестьянства, которая потеряна у нас, социал-демократия, традиции... Но мы все время сравниваем себя с финнами. А то, что произошло в Финляндии, мне думается, – это нечто другое. То, что происходит иногда и с другими странами. Это какая-то сейсмология духа народного. Вдруг что-то начинает подниматься. Вдруг что-то начина-

ет опускаться. Почему Финляндия поднялась? Почему? По сравнению даже со Скандинавией. Почему? Есть ответ на этот вопрос или нет? Я думаю, что ответа на этот вопрос сегодня нет и не существует. Но это все-таки есть, существует такое явление. Оно, можете называть его антиисторичным, как угодно, но оно есть и должно подвергаться какому-то осмыслению в нашем сознании. Вот сейчас что происходит с Россией? России не хватает одушевления. Воодушевления. От этого она страдает. Да, идея народная, национальная идея, еще что-то, какие-то предлагаются меры «вспрыскивания» и так дальше, но это все не создается правительственными властными мерами, структурами, даже общественными движениями. Это что-то иное. Вот что? Это, конечно, было бы самое любопытное, если бы мы могли хоть как-то подобраться к этой проблеме.

В. С. Измозик: – Куража не хватает...

Д. А. Гранин: – При кураже надо закрывать шкафы с оружием.

ОТ РЕДАКЦИИ

Этот материал вышел в свет в дни празднования 85-летия Д. А. Гранина. Редколлегия журнала и его читатели сердечно поздравляют почетного петербуржца и выдающегося писателя с его юбилеем.

Желаем Вам, дорогой Даниил Александрович, по-прежнему оставаться закоперщиком интересных начинаний, таких, как эта встреча историков. Здоровья Вам, счастья! Пусть Ваше юношеское воодушевление передастся всем петербуржцам, всем россиянам!

С праздником Вас!

